

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РИМСКОГО СТАТУТА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье рассматривается проблема соотношения норм Римского статута Международного уголовного суда и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Анализируются варианты согласования таких вопросов Статута, как принцип комплементарности, отсутствие института суда присяжных и права обвиняемого на помилование, передача граждан Суду, с нормами Конституции РФ и уголовно-процессуального законодательства.

13 сентября 2001 г. в ходе сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел подписал от имени Российской Федерации Статут Международного уголовного суда, что открыло возможность начала практической работы по подготовке процесса ратификации и имплементации Римского статута Международного уголовного суда. Однако Российская Федерация все еще не ратифицировала Статут, проявляя в этом вопросе сдержанность, отразившуюся в официальном заявлении делегации РФ на Ассамблее государств – участников Статута о том, что в стране проводится работа по приведению законодательства в соответствие с положениями Статута суда.

Достижением судебной реформы в РФ и вступившего в силу 1 июля 2002 года нового УПК стало ориентирование на **защиту** личности в уголовном процессе. Тенденция гуманизации нашла свое выражение, например, в нормативном закреплении впервые в ст. 11 УПК принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Целью уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 6 УПК является **защита** прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Права личности сегодня выступают «важным фактором, определяющим назначение, содержание и формы процессуальной деятельности по уголовным делам» [1]. При этом «чем больше у личности, вовлеченной в уголовный процесс, будет процессуальных прав, тем более инициативной она будет в своей защите» [2]. Создание постоянно действующего международного судебного органа является международно-правовой гарантией реализации личностью своего права на защиту. Российская Федерация должна в связи с этим осуществлять деятельность по национально-правовой имплементации норм Римского статута и приведению национального законодательства в соответствие с нормами Статута.

Одна из основных причин воздержания России от ратификации заключается в существовании ряда весомых противоречий между внутренним законодательством (в том числе уголовно-процессуальным) и Статутом. Среди таких противоречий можно выделить следующие.

1. Принцип комплементарности (дополнительности) юрисдикции МУС.

В Преамбуле и ст. 1 Римского статута говорится, что МУС *дополняет* национальные органы уголовной юстиции.

Существует мнение, что данный принцип требует внесения изменений в Конституцию РФ, так как Конституции, а также и УПК РФ не известен суд, им не подчиняющийся, но дополняющий судебную систему страны, а соответственно Конституция не допускает дополнения национальной судебной системы международным судебным органом [3]. Представляется, что подобное утверждение крайне спорно. МУС не заменяет и не подменяет, а лишь дополняет систему правосудия в России. Более того, деятельность национальных органов уголовной юстиции не ставится в какую-либо зависимость от МУС. Напротив, МУС согласно п. 1а ст. 17 Статута сможет принять дело к своему производству лишь в тех случаях, когда государство *не желает* или *не способно* вести расследование или возбудить уголовное преследование *должным образом*. Подобная формулировка, безусловно, требует своего толкования: следует более четко определить критерии, по которым следовало бы устанавливать нежелание и неспособность государства должным образом вести указанную деятельность. При этом толкование должно осуществляться в контексте обеспечения прав потерпевшего на защиту на международном уровне, когда национальная судебная система не может обеспечить его прав должным образом в случае полной коррумпированности, паралича. В определен-

ной степени принцип комплиментарности служит стимулом для совершенствования национальной судебной системы.

МУС обладает международной правосубъектностью, поэтому признание компетенции МУС Российской Федерацией не повлечет за собой включение МУС в судебную систему Российской Федерации, а следовательно, необходимости внесения изменений в главу 7 Конституции. Принцип комплиментарности должен быть истолкован в контексте осознания народом России себя «частью мирового сообщества», провозглашенного в преамбуле Конституции.

2. Отсутствие института суда присяжных.

Согласно ст. 39 (2 «б») Римского статута разбирательство в отношении лица, переданного суду, осуществляется Судебной палатой, состоящей из трех судей. Конституция РФ в ст. 47 предусматривает право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Раздел XII УПК РФ посвящен особенностям производства в суде с участием присяжных заседателей. В этой связи может возникнуть вопрос о соответствии Статуту национального законодательства, предусматривающего рассмотрение отдельных категорий дел судом присяжных.

Формально Статут ограничивает право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Однако следует исходить из сущности и назначения института присяжных заседателей, который преследует цели повышения степени справедливости судебного решения, осуществления контроля за беспристрастностью и состязательностью судебного разбирательства. Суд присяжных представляет собой установленную национальным уголовно-процессуальным законодательством процедуру в рамках производства по делу, которое реализуется национальными судебными органами, и не должен автоматически воспроизводиться в рамках совершенно иной международной процедуры.

Разбирательство уголовных дел в МУС без участия присяжных никоим образом не нарушает прав обвиняемого и не влияет на законность, обоснованность и справедливость приговора. Так как разбирательство в МУС будет осуществляться, во-первых, в соответствии с самыми высокими международными стандартами, гарантирующими права участников процесса, во-вторых, правосудие от имени международного сообщества будут осуществлять судьи, обладающие са-

мой высокой профессиональной квалификацией и высокими моральными качествами, являющиеся независимыми и беспристрастными.

Все указанное в совокупности с другими нормами Статута обеспечивает надлежащие гарантии законного и справедливого разбирательства дела.

3. Проблема передачи лиц суду.

Ст. 38 Статута МУС предусматривает возможность передачи лица суду, предписывая государствам-участникам выполнение просьб суда о производстве ареста лица и передаче. В этой связи активно обсуждается ст. 61 Конституции Российской Федерации, содержащая запрет на выдачу российских граждан иностранному государству. УПК РФ в ст. 462 предусматривает возможность выдачи Российской Федерацией только иностранных граждан или лиц без гражданства.

По смыслу ст. 102 Статута «передача» означает доставку лица государством в суд, что не запрещено Конституцией РФ, в то время как «выдача» означает доставку лица иностранному государству для распространения своей национальной юрисдикции, а не международным органам правосудия. Таким образом, выдача и передача представляют собой разнотипные юридические явления.

В связи с этим вариантами урегулирования этого вопроса могли бы стать процедура толкования Конституционным Судом России или принятие специального Закона РФ «Об экстрадиции», который дал бы четкое разъяснение вышеназванным процедурам.

4. Отсутствие иммунитета должностных лиц.

Одним из вопросов, подлежащих разрешению в связи с потенциальным присоединением России к Статуту, является отсутствие в Статуте иммунитета для главы государства и других должностных лиц.

Римский статут в ст. 27 предусматривает, что его положения применяются в равной мере ко всем лицам, без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности по Статуту и само по себе не является основанием для смягчения приговора.

Следует отметить, что институт ответственности высших должностных лиц знаком отече-

ственному праву, хотя бы в силу того, что Россия является стороной Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него [4]. Кроме того, предусмотренная Конституцией неприкосновенность Президента была истолкована Конституционным Судом как функциональная и не равняющаяся абсолютному иммунитету [5]. Раздел XVII УПК РФ содержит главу 52 «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц». Привлечение к уголовной ответственности лиц, обладающих иммунитетом, возможно лишь с соблюдением специальных процедурных правил, устанавливаемых национальным законодательством. Поэтому в случае необходимости передачи суду российских чиновников высокого ранга первоначально будут производиться процедуры, предусмотренные ст. 93 Конституции (отрешение от должности Президента) или п. 4 ст. 19 Закона «О статусе членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ», а затем уже инициировать собственно механизм передачи. При всей сложности и многоступенчатости подобные процедуры ведут рассматриваемых должностных лиц к ответственности перед судом и человечеством, однако в то же время актуально принятие в отношении данных лиц решения, свободного от чрезмерной политизации.

Иммуниеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, не должны препятствовать осуществлению судом его юрисдикции в отношении такого лица. Иммуниеты должностных лиц не могут рассматриваться в качестве правового средства, обеспечивающего безнаказанность должностных лиц, совершающих преступления, подпадающие под юрисдикцию Международного уголовного суда, тем более, что речь идет об особо тяжких деяниях, вызывающих озабоченность всего международного сообщества.

Список использованной литературы:

1. Гуськова А.П. Вопросы защиты прав личности по международному уголовно-процессуальному праву // Роль университетской науки в региональном сообществе: Материалы международной научно-практической конференции (Москва-Оренбург, 1–3 сентября 2003 г.). В 2-х частях. Ч. 2. Москва-Оренбург, 2003. С. 218.
2. Жеребятьев И.В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России. Монография. Оренбург, 2004. С. 5.
3. См., например, Тузмухамедов Б.Р. Конституция Российской Федерации и Статус Международного уголовного суда: возможные пути гармонизации // Российский ежегодник международного права. 2003. С. 124.
4. Статья IV Конвенции предусматривает наказание за преступление геноцида для всех лиц, «независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами».
5. См. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2000 г. №12-П // СЗ РФ. 2000. №29. Ст. 3118.
6. См., например, Батырь В.А. Проблемы имплементации Римского статута Международного уголовного суда в законодательстве Российской Федерации // Российский ежегодник международного права. 2003. С. 136–162. Бирюков П.Н. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и правовая система Российской Федерации. Воронеж, 1997. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. Учебник. М., 1999.

5. Право на помилование.

Римскому статуту неизвестно право осужденного просить о помиловании, предусмотренное ч. 3 ст. 50 Конституции. В связи с этим возникает две проблемы. Во-первых, ограничивает ли Статут конституционные права граждан РФ? Во-вторых, Статут, по сути, ограничивает конституционные полномочия Президента осуществлять помилование (п. «в» ст. 89 Конституции) и Государственной Думы – объявлять амнистию (п. «е» ч. 1 ст. 103 Конституции).

Отсутствие механизма помилования, видимо, вызвано несколькими причинами: степенью тяжести составов преступлений, высокой квалификацией суда, гарантированными процессуальными правами обвиняемого. Представляется, что нет оснований говорить об ограничении конституционных прав граждан РФ в случае ратификации Статута, так как следует постоянно помнить о том, что МУС действует на основе принципа дополняемости и осуществляет юрисдикцию, когда государственная судебная система не в состоянии эффективно работать. В последнем случае механизм помилования также вызывает большие сомнения.

Российская Федерация делает уверенные самостоятельные шаги не только в сторону безусловного соблюдения принципов и норм гуманитарного права, но и в направлении приведения собственного законодательства в соответствие с Римским статутом. Подавляющее большинство мнений, высказываемых в российских научных кругах, сводится к безусловной необходимости ратификации Римского статута [6]. Мониторинг действующего отечественного законодательства показывает, что по широкому кругу параметров (просьбы о сотрудничестве, оказание правовой помощи, производство ареста, сбор и хранение доказательств и др.) оно уже отвечает требованиям учредительного акта Международного уголовного суда.